

М. В. ЛУКОВ

**Обыденная
культура
и культура
повседневности**

Культурология — недавно сформировавшаяся вузовская дисциплина, которая в ГОС ВПО второго поколения утверждена как обязательная при подготовке фактически по всем специальностям и направлениям. Поэтому дальнейшая разработка концепции этого курса стала на данном этапе особо актуальной, причем носит не столько методический, сколько общетеоретический характер. Даже выявление специфики курса остается определенной проблемой. Через работы проф. Т. Ф. Кузнецовой¹ красной нитью проходит мысль о том, что культурология (в отличие от философии и частных наук) выступает как

методология «срединного уровня». Это, думается, плодотворная идея. Но как реализовать эту «срединность» в вузовском курсе и — шире — в научных исследованиях? Превосходное и общетеоретическое, и методическое решение предлагается проф. В. М. Межуевым, подчеркивающим отличие культурологии от философии культуры (а это наиболее сложный аспект проблемы): «Если культурология есть знание о *разных культурах в их отличии друг от друга* (безотносительно к вопросу о том, какую из них мы считаем своей), то философия культуры есть знание о *культуре, которую мы считаем своей*. Короче, она

¹ Начиная с кн.: Кузнецова Т. Ф. Философия и проблема гуманитаризации образования. М., 1990.

есть не просто знание человека о культуре, а его *культурное самосознание*¹. Отсюда вытекает, что задача философии культуры — установление единства культуры (интеграция знания), задача культурологии — раскрытие множественности культур (дифференциация знания).

В свете сказанного остановимся на такой (исходя из концепции В. М. Межуева, сугубо культурологической) проблеме, как дифференциация понятий «обыденная культура» и «культура повседневности».

Анализ трудов западных культурологов (в том числе и Жана Бодрийяра, который публикацией в 1968 г. книги «Система вещей»² породил особое внимание культурологов к культуре повседневности) показал, что терминологически, да и по существу самих явлений, они обычно не различаются. Богатейший материал, представленный проф. А. И. Шендриком в его «Теории культуры»³, где охарактеризованы основные концепции как западных, так и отечественных (прежде всего дореволюционных) мыслителей, позволяет сделать тот же вывод.

Но в работах советского и постсоветского периода при внешнем сходстве ситуации латентно присутствует иной подход. Отечественная наука в советский период развивалась в существенном отрыве от западной и не могла учитывать многие западные исследования, но в то же время эта изолированность помогла выдвигению новых, независимых идей. Самым передовым открытием в культурологии справедливо считать открытие М. М. Бахтина.

Вышедшая в 1965 г. книга «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса»⁴ представляет собой труд, написанный еще в 1940 г. и открывающий новый, до того времени неизвестный

значительный пласт средневековой культуры. Бахтин назвал эту культуру «смеховой», проведя литературоведческое и культурологическое исследование романа Рабле, рассмотрев «площадное слово» (божбу, клятвы, ругательства), народно-праздничные формы и образы — пиршественные образы, гротескные образы тела, а также их источники — образы материально-телесного низа. Рассматривая смеховую, карнавальную культуру, Бахтин противопоставляет ее «официальной» (церковно-феодальной) системе ценностей, определяющей повседневное существование человека в средневековом обществе. Иначе говоря, в смеховой народной культуре он обнаруживает своего рода «искажения» обыденной культуры, происходящие в определенные периоды времени (дни карнавала). В работах философов о Бахтине, например в известной монографии В. С. Библера «Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры»⁵, этот аспект отошел на второй план, уступив место общей бахтинской концепции культуры. Нас же в связи с избранной темой диссертации, напротив, особо интересует его трактовка обыденной культуры средневековья. В сущности, здесь можно обнаружить скрытое утверждение существования особых «периодических» культур. Это не просто еще одна из разновидностей культуры, а ее новое измерение. Карнавал с его смеховым началом, как показал Бахтин, привязан в средние века к определенным дням года (как правило, к Рождеству и Пасхе). По происхождению эта периодичность связана с циклами сельскохозяйственных работ, но на Ближнем Востоке. В Европе, с ее более северной природой, карнавал отрывается от сельскохозяйственного цикла и увязывается с духовной культурой. «Периодическими» позже становятся

¹ Межуев В. М. Философия культуры: Эпоха классики: Курс лекций / 2-е изд. М., 2003. С. 25–26.

² См.: Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995.

³ См.: Шендрик А. И. Теория культуры. М., 2002.

⁴ См.: Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М., 1990.

⁵ См.: Библер В. С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М., 1991.

ся и политическая культура (периодичность задают, например, выборы), и университетская культура¹ (периодичность смены семестров и каникул) и т. д., что дает основания говорить об этом существенном аспекте культуры повседневности, даже об особом влиянии «периодической культуры» на все типы культуры.

Не менее значимую работу проделал Ю. М. Лотман, квинтэссенцией которой можно считать посмертное издание «Бесед о русской культуре»², созданных на основе цикла лекций, прочитанных автором на телевидении. Лотман подробнейшим образом рассмотрел и описал быт и нравы, обыденную культуру России XVIII–XIX вв. в контексте мировой культуры. Им рассмотрены общественная и образовательная системы, мода, этикет, обычаи (обряды), а также исторические события и личности в свете обыденной культуры. Повседневная жизнь для автора — категория историко-психологическая, система знаков, т. е. в своем роде текст. И беседы Лотмана ставят своей целью научить пониманию этого текста и осознанию неразделимости бытийного и бытового. Создается представление о неразрывной связи глобальных явлений с повседневными, обыденными, прослеживается мысль о непрерывности культурно-исторического процесса.

Среди крупнейших достижений отечественной культурологической мысли следует признать труды А. Я. Гуревича о средневековой культуре³, и исследования Г. С. Кнаббе, посвященные культуре Древнего Рима⁴. Но обращает на себя внимание тот факт, что все эти фундаментальные работы, к которых глу-

боко освоены материалы обыденной культуры в сочетании с исследованием всего культурного наследия, посвящены античности (Кнаббе), европейскому средневековью (Бахтин, Гуревич), русской и западноевропейской культуре XVIII–XIX вв. (Лотман). Столь же значительных работ о современности, в сущности, не появилось. Думается, это связано с некой общей установкой общетеоретического плана, очень точно сформулированной проф. В. М. Межуевым в работе «Культура и история» (1977). Его идея сводится к следующему: не все созданное человеком, возделанное им, представляет собой культуру; материальное и социальное «тело» общества называют цивилизацией; культурой является лишь то из произведенного человеком, что направлено на саморазвитие и самосовершенствование человека⁵. Здесь достигается выявление функции культуры в жизни человека и бытии всего человечества. Изложенная концепция, хотя она формулировалась в ключе философии культуры, составила целый этап в развитии отечественного культурологического знания.

Но при такой трактовке возникают и проблемы. Культура представлена как некий двигатель, позволяющий человеку идти вперед. Но тогда ставятся под вопрос традиции, а даже интуитивно ощущается (не говоря о теоретическом осмыслении во многих концепциях культуры), что сохранение традиций, передача их от поколения поколению едва ли не основная функция культуры. Относительно культуры обыденной вообще неясно, применимо ли к ней понятие «культура». То же касается множества частных слу-

¹ О понятии «университетская культура» см.: Луков Вл. А. Университетская культура // Высшее образование для XXI века: Научная конференция, Москва, МосГУ, 22–24 апреля 2004 г.: Культурологические, педагогические, психологические проблемы высшего образования. Доклады и материалы / Отв. ред. И. М. Ильинский. М., 2004. С. 153–160.

² См.: Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.

³ См.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972; Его же. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.

⁴ См.: Кнаббе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994.

⁵ См.: Межуев В. М. Культура и история. М., 1977. С. 11, 29 и др.

чаев: можно ли говорить о культуре в словосочетаниях «культура хиппи», «культура панков», «культура сексменьшинств» и т. д. (то, что в исследованиях предстает как множественность субкультур)? Или надо отказываться в этих и аналогичных случаях от представления о культуре, или придется пересмотреть взгляды на «самосовершенствование и саморазвитие человека», допустив плюрализм в этом вопросе (вплоть до признания «самосовершенствования» в культуре фашистской Германии). Возможно, выходом из положения было бы ограничение определения В. М. Межуева сферой гуманистической культуры, так как саморазвитие и самосовершенствование человека относятся, прежде всего, к ценностям гуманизма.

Так или иначе некоторые нерешенные общетеоретические вопросы, как и определенные идеологические барьеры, мешали появлению в советский период основательных работ по культуре повседневности современного российского и западного общества.

Тем значительнее представляются появившиеся в 1970–1980-х годах работы Ю. У. Фохт-Бабушкина и других исследователей, утвердивших в науке понятие «художественная культура»¹. В нем была убедительно, на обширном эмпирическом материале реализована концепция культуры, сформулированная в приведенном определении В. М. Межуева. Ю. У. Фохт-Бабушкин ввел понятие «художественный потенциал»², восприняв представление о потенциалах личности (созидательном, гносеологическом, аксиологическом, коммуникативном), сформулированное М. С. Каганом на основе идей отечественных психологов А. С. Выготского,

С. Л. Рубинштейна, Б. Г. Ананьева, А. Н. Леонтьева³. Он показал, что искусство влияет на человека прежде всего через воздействие художественного потенциала на другие личностные потенциалы, тем самым развивая духовный мир человека в целом. Но, что существенно, в структуре понятия «художественная культура» оказались такие элементы, как свойства социального субъекта, которые необходимы для художественной деятельности; деятельность социального субъекта по созданию, распространению и освоению продуктов художественной культуры; продукты художественной культуры; институты, обеспечивающие деятельность по созданию, распространению и освоению продуктов художественной культуры⁴. Иначе говоря, значимые элементы материального и социального «тела» общества, обычно относимые к «цивилизации», заняли видное место в структуре «художественной культуры», не вступая при этом в противоречие с утвердившимся в отечественной науке представлением о саморазвитии и самосовершенствовании человека как функции культуры. Это открывало путь к новому этапу изучения обыденной культуры, культуры повседневности.

Один из признаков этого нового этапа — утверждение в гуманитарном знании тезаурусного подхода, разрабатываемого культурологами и социологами (Вал. А. и Вл. А. Луковы, Т. Ф. Кузнецова, А. И. Ковалева, Д. Л. Агранат), литературоведами (И. В. Вершинин, Н. В. Соломатина, С. Н. Есин, Н. В. Захаров), специалистами в области экранных искусств и дизайна (В. М. Монетов, А. А. Останин). Разработка понятия «пирамида тезауруса» привела к более четкому осоз-

¹ См.: Человек в мире художественной культуры: Приобщение к искусству: процесс и управление / Отв. ред. Ю. У. Фохт-Бабушкин. М., 1982; Фохт-Бабушкин Ю. У. Искусство и духовный мир человека (Об особенностях воздействия искусства на личность). М., 1982; а также: Лукин Ю. А. Художественная культура зрелого социализма. М., 1977; Плотников С. Н. Методологические проблемы художественной культуры: Дис... докт. филос. наук М., 1978 и др.

² Фохт-Бабушкин Ю. У. Указ. соч. С. 32.

³ См.: Каган М. С. Человеческая деятельность. М., 1974. С. 53.

⁴ См.: Фохт-Бабушкин Ю. У. Введение // Человек в мире художественной культуры: Приобщение к искусству: процесс и управление. С. 4.

знанию дифференциации понятий «обыденная культура» и «культура повседневности».

Вопрос о разграничении этих понятий представляется весьма значимым. Он не был поставлен ни Шпенглером, ни Уайтом, ни историками школы «Анналов», ни ведущими отечественными культурологами, хотя анализируемый ими материал и даже его отбор дают очень много для ответа на него. Обычно в научной литературе, в выступлениях на научных конференциях граница между обыденной культурой и культурой повседневности не устанавливается, для большинства исследователей и сегодня это синонимы. Можно было бы с этим вполне согласиться, пока речь идет о культуре в целом или о тех периодах ее развития, когда рассматриваемое разграничение не существенно. Однако при изучении новейшей культуры более плодотворным представляется дифференциация этих понятий.

В этом случае под «обыденной культурой» логично понимать ту сферу культурной жизни, которая связана с бытом и обыденным сознанием. Под «культурой повседневности» — весь объем культуры, актуализированной в человеческой жизнедеятельности сегодняшнего дня, здесь и сейчас.

Поясним примером. Человек встал утром, оделся, позавтракал, добрался до работы на транспорте. Все это элементы жизнедеятельности, связанные с «обыденной культурой», потребовавшие от него многочисленных специальных действий, слов, жестов, освоенных нередко до автоматизма и поэтому не замечаемых, но не перестающих от этого быть частью «культурного капитала» (пользуясь термином П. Бурдьё). И принял участие в научной конференции — как слушатель, докладчик, участник дискуссии. А вечером пошел в консерваторию на кон-

церт Баха. Это явно элементы не обыденной, а другой (в данном случае — научной, художественной) культуры. Но и то и другое совместилось в рамках одного дня, актуализировано, причем не в полном объеме, а только в актуальных аспектах.

Раньше такого разграничения можно было и не подчеркивать: большинство населения даже развитых стран реализовывало свою жизнь в рамках «обыденной культуры». Однако слой интеллигенции неуклонно расширился, а для него «обыденная культура» уже не составляет основы жизнедеятельности. СМИ, прежде всего телевидение, еще более изменили ситуацию. Не меньше $\frac{2}{3}$ населения Земли смотрят телевизор. А по телевизору транслируется не только реклама («обыденная культура»), но и кинофильмы, телеспектакли («художественная культура»), политические дебаты («политическая культура»), религиозные проповеди («религиозная культура»), научные и образовательные передачи («научная» и «образовательная культура») и т. д. Заметим, что эти виды культуры преподносятся в особой форме, учитывающей силу власти обыденного сознания. Трудно представить себе чтение работ Эйнштейна о теории относительности по радио или телевидению, но сделать передачу, где этот материал вызвал бы интерес многочисленных слушателей и зрителей, можно, и тут без элементов «обыденной культуры» не обойтись.

Так постепенно намечается масштабный переход от господства «обыденной культуры» к господству включающей ее, но и не только ее «культуры повседневности», и телевидение сыграло в этом процессе определяющую роль, что требует специального культурологического исследования и характеристики в вузовском курсе культурологии.